

К Р О К О Д И Л

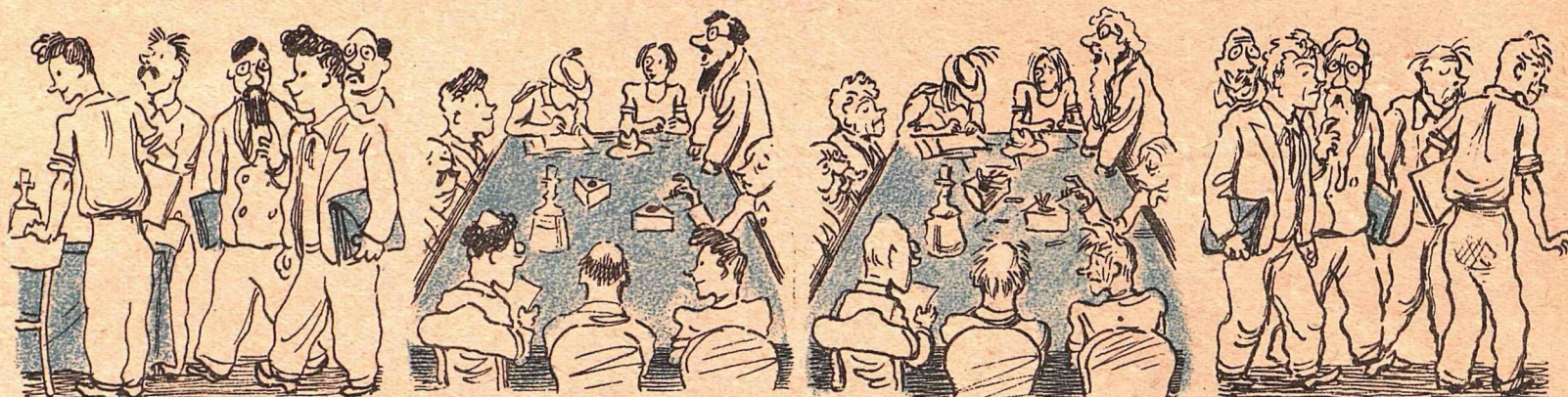
К 556/39г

— Ну, старик, принимай гостей.
— Нет, уж гостем буду я в твоём новом доме.

Рис. Л. Генча

Рис. Н. Радлова

пришли, посидели и ушли

Утренняя стенограмма

НЕДАВНО мы получили письмо. «Товарищи, тут вот в газетах пишут о том, что кое-где злоупотребляют заседаниями. Так я должен сказать, что и у нас в районе это бывает. Мне удалось достать несколько листов из стенограммы одного ночного заседания. Если пригодится, напечатайте. С тов. приветом Н.»

Мы и печатаем: «Председатель. Так. Теперь следующий пункт повестки, сто восьмой..»

Голос с места. Сто восьмой пункт давно уже провернули. Теперь будет сто десятый!

Председатель. Совершенно верно, сто десятый пункт. Утверждение сметы строительства бани на остаток текущего года. Докладчик — товарищ Щелоков. Сколько тебе нужно времени, Щелоков?

Щелоков. Ну, с полчаса.. Председатель. Много! Имеешь пятнадцать минут. Сейчас, значит, половина девятого.. Братцы! Да ведь это половина девятого утра! Тогда, товарищ Щелоков, придется тебе уложиться в десять минут..

Щелоков. Можно начинать?.. Товарищи, всего наша смета предусматривает ассигнование девяноста семи тысяч восьмисот девяноста двести рублей ноль ноль копеек. Из чего складывается эта сумма? Она складывается из расходов на стройматериалы — тес и бревна. Сюда же входит и зарплата в сумме.. в сумме.. тридцать четыре тысячи восемьсот двенадцать бревен.

Голос с места. Чего? Щелоков. Бревен. То есть, рублей.. Значит, эти тридцать четыре тысячи бревен..

Голос. Опять? Щелоков. У нас, понимаешь, затруднения как раз с бревнами: не знаем, где достать.. Вот они у меня и не выходят из головы. Нуте-с? На чем, бишь, я остановился?

Голос с места. На бревнах. Щелоков. Значит, зарплата, если ее выразить в круглых бревнах.. (Смех.) Я хотел сказать: в круглой сумме эти бревна.. эти рубль.. эти.. (Председатель звонит.)

Председатель. Щелоков, слезай ты с этих бревен.. Говори по существу.

Щелоков. По существу, если хотите знать, я могу быть докладчиком только до пяти часов утра. Позднее я не могу.

Председатель. Давайте, товарищи, по-серьезнее!.. Мы сделаем, значит, так. Цифры сметы по этому строительству все равно всем розданы. Значит, пусть Щелоков отдохнет, а мы прямо приступим к прениям. Первый у меня записан по этому вопросу товарищ Сигалаев.

Сигалаев (с места). Хрр.. Хррр.. Хрррррррррр..

Председатель. Он что, спит? Голос. Нет, храпит. В шутку.

Председатель. Лищенко, давай не будем острить! Следующий оратор — Колозубов. А вы пока разбудите предыдущего оратора!

Колозубов. Товарищи, по имеющимся у меня цифрам, строительство бани на сегодняшний день..

Голос с места. На вчерашний день. Колозубов. Что?

Голос с места. Цифры у тебя, говорю, уже не на сегодняшний день, а на вчерашний. Ведь заседаем-то мы с вечера.

Колозубов. А.. Это да. Так я и хочу сказать: цифры нам показывают, что уа-уа-а-а-о.. (Зевает.)

Председатель. Как ты говоришь? Колозубов. Я говорю уа-оо.. (Зевает.) И в этом все дело.

Председатель. Слушай, Колозубов! Или зевай или высказывайся. Следующий — товарищ Ляшберг.

Ляшберг. Товарищи, в общем, я думаю, смету надо принять. Но тут есть один момент,

который придется уточнить. Я имею в виду это.. как его?.. Да.. Сейчас.. Сейчас вспомню.. Нет, никак не могу вспомнить.

Председатель. Потом возьмешь слово, когда вспомнишь. Ты что, Пицинский?

Пицинский. У меня вопрос к докладчику. Можно? Товарищ Щелоков, скажите, как у вас дело с процентовкой выполнения?

Щелоков. У меня, видите ли, эти сведения остались дома..

Председатель. Вот-те на!.. Да что у тебя тогда в портфеле?

Щелоков. У меня в портфеле.. в портфеле.. это.. у меня подушка в портфеле.. (Смех.) Я думал поспать немного, пока не мои вопросы.. (Смех.)

Председатель. Товарищи, давайте к порядку! Лямесов, почему ты все время голосуешь, когда ничего не голосуется? А?

Лямесов (с места). Это я не голосую.. Это я гимнастику делаю, чтобы не уснуть.

Председатель. Вопрос о строительстве бани снимается! Переходим к следующему пункту! Пункт сто.. сто..

Секретарь. Сто одиннадцатый. Председатель. О выделении фондов на ремонт. Докладчик — товарищ Селезнев. Иди сюда, Селезнев, и начинай.

Селезнев (с места). Я лучше буду отсюда говорить.

Председатель. Да нет, давай сюда. Селезнев. Я лучше с места, Иван Алексеевич..

Председатель. Да почему? Селезнев. Я разулся, Иван Алексеевич.

Председатель. Это еще зачем? Селезнев. Исключительно для кровообращения, Иван Алексеевич.. Все-таки вторую ночь мы насковозь заседаем.. и днем на работе..

Председатель. У нас, конечно, не Лига наций, цилиндров мы не требуем, фраков тоже.. Но если ораторы будут снимать обувь.. Вот что, Селезнев, пусть вместо тебя докладывает Разномясов, а ты пока обуйся! Разномясов, иди сюда!.. Разномясов!.. Да где он?

Голос. Ушел!

Председатель. Куда ушел?! Спать? Голос. Зачем спать? Он на работу ушел. Разномясов работает на заводе. У них уже полчаса, как начался рабочий день.

Председатель. Тогда давайте следующий вопрос.. Сто.. сто..

Секретарь. Сто двенадцатый..»

На этом обрываются присланные нам листки стенограммы. Заседание, конечно, не обрывается.

Восемнадцатое лето

Восемнадцатое лето.
С школой конечно. И вот,
В тополиный пух одетый,
День за окнами плывет.

И уже уходят в дымку
Переменок голоса,
Вовки смех, веснушки Димки,
Оли черная коса.

Дворик старенький при школе,
Где наш дух мужал и креп,
Где за косы дергал Олю
Чересчур веселый Глеб,

Обаянье первых ссадин,
Потасовки в первый снег...
Все плывет и где-то сзади
Расплывается навек.

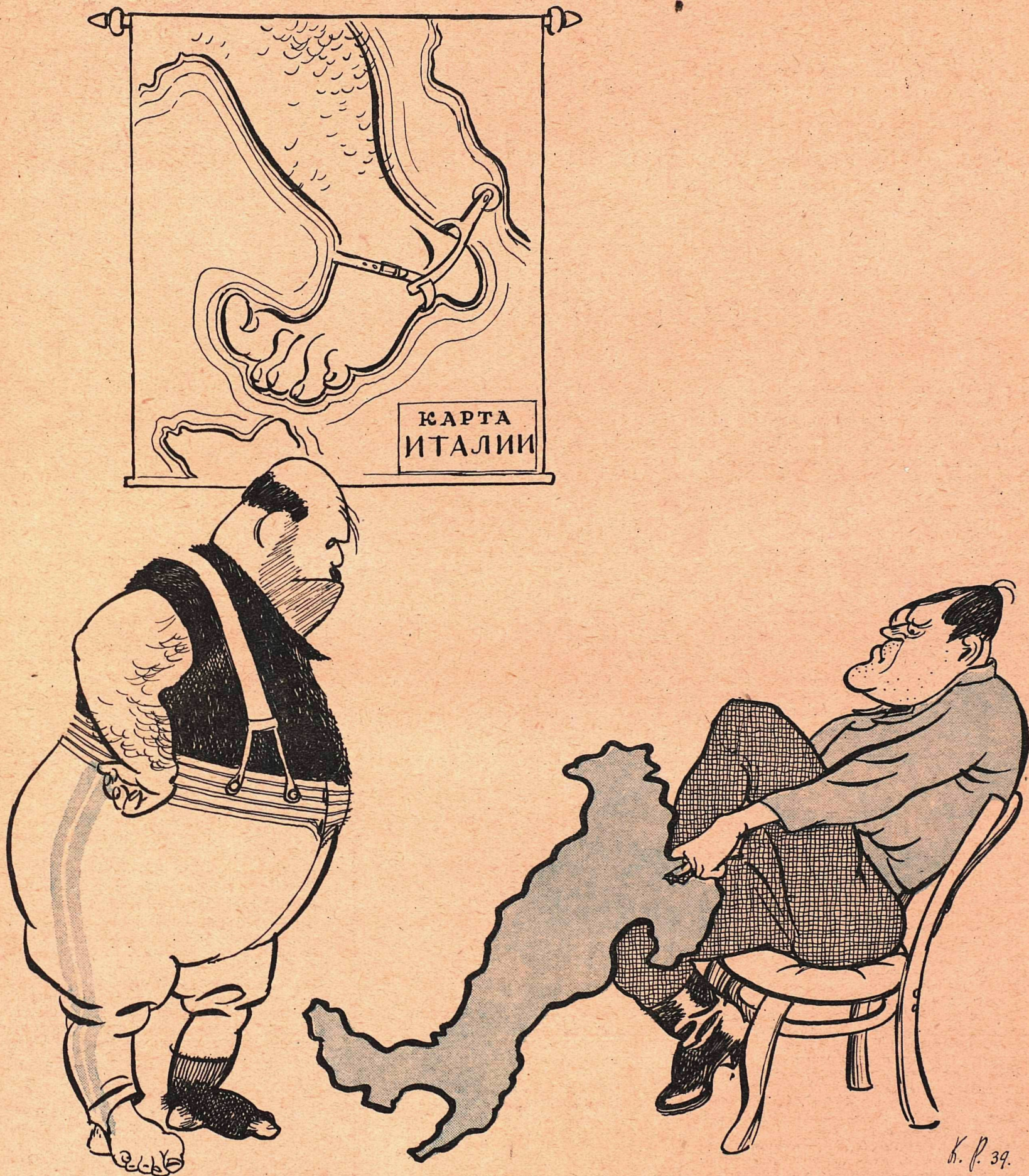
Тихо. День бредет, одетый
В ткань туманной синевы.
Восемнадцатое лето,
Нас уже зовут на вы.

Г. ПОМЕРАНЦЕВ

В. АРДОВ

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКОГО
ДОГОВОРА

Рис. К. Рогова

— Но имейте в виду, что вместе с сапогом вы получаете
и мои мозоли.

Рис. М. Храпковского

Сапоги

ОДИН муж велел своей жене купить ему ботинки.

Сам он не мог ходить по магазинам за неимением свободного времени. Он был предельно загружен работой и вдобавок что-то изобретал к своему станку. Какую-то штуковинку. И у него не было возможности драгоценные свои часы тратить на такое мизерное занятие, как покупка сапог, шляпы по магазинам, стояние у кассы, вынимание бумажника и так далее.

Вот поэтому он и предложил своей мадам купить то, что ему было нужно.

И, уходя на работу, он сказал ей:

— Я не франт. Фасон мне безразлично какой. Только прошу учесть, что я ношу сороковой размер. Уже сапоги номером больше вызывают у меня на ногах пузыри. Это последнее обстоятельство, несомненно, неблагоприятно отразится на показателях моей работы. Так что просьба — исполнить то, что я прошу.

Жена этого человека взяла деньги и пошла покупать. Она обошла некоторое количество магазинов, но безрезультатно: нужного номера нигде не было. Кое-где были недомерки или уж что-нибудь исключительно большое, рассчитанное на распухшую ногу. Сорокового же размера ей не удалось найти, хотя она на этот предмет затратила не менее четырех часов.

Наконец, в одном магазине, протискавшись через толпу, она увидела огромные ботинки—45-й номер.

Она не хотела их покупать, поскольку размер был много больше, чем ей нужно. Но тут один из посетителей стал эти ботинки дергать у нее из рук. И она, находясь в коммерческом зуде, сказала, что берет эти сапоги, просьба не вырывать то, что взято. И, не отдавая себе отчета, уплатила в кассу деньги. И сама не оная вышла из магазина с этими ботинками.

И вот идет она по улице, смотрит на свою покупку и весьма сильно горюет. Думает: «Дернула меня нелегкая купить такую ненужную обувь, достанется мне теперь от мужа!»

И, остановившись против одного дома, она развернула эти чудовищные сапоги и с грустью стала на них глядеть.

Вдруг из ворот дома вышел один мужчина.

Он вышел из ворот, воззрился на эти сапоги и спрашивает, не продаются ли эти баркасы.

— Да, продаются, — ответила обрадованная женщина.

Нет, конечно, она не хотела наживать и, тем более, спекулировать. Но неожиданный вопрос застал ее врасплох. И она, сама не понимая, как это произошло, накинула десятку против магазинной цены. Может, она подумала: столько хлопот, столько потраченного времени! И, конечно, прикинула десять рублей.

Мужчина сказал, что цена его устраивает, он только жалеет, что сапоги для него велики. Но он просит разрешения показать сапоги родственнику, который живет тут же и мечтает приобрести себе что-нибудь из обуви.

И, схватив эти сапоги, мужчина нырнул в ворота.

Подождав мужчину минут пять, женщина стала беспокоиться. Но когда прошло еще пять минут, женщина подняла тревогу, крича, что ее ограбили, обворовали, унесли сапоги, что она не знает, что теперь ей делать, как явиться домой и что сказать мужу.

Тут собралась толпа. Раздались сочувственные возгласы. Кто-то произнес речь, говоря, что в наши дни постыдно видеть что-либо подобное, что это есть исключение из общего правила нашей честной повседневной жизни.

Другой стал оратору возражать, говоря, что человеческие свойства неизменны: как было воровство, так и есть. И вот, когда нашлось что-нибудь приличное украсть, вот и великолегко украли, не посчитавшись со временем.

Тут кто-то под воротами позвонил в звонок. И на звонок вышел дворник.

— Я слышал эту певичку два года назад. Какой изумительный рост!

— Но ведь публика разбегается.

— Я и говорю: как вырос зритель!

Доска приказов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ТОМАРОВСКОГО РАЙИСПОЛКОМА, КУРСКОЙ ОБЛАСТИ, ОТ 29 МАРТА 1939 ГОДА

О КАНДИДАТАХ НА ВСЕСОЮЗНУЮ С.-Х. ВЫСТАВКУ
(Внесено Зав. РайЗО т. ИНЮТИНЫМ).

Утвердить кандидатом на Всесоюзную сельско-хозяйственную выставку тов. Фалькова Григория Яковлевича, заведывающего гусиной фермой колхоза «Красная Поляна» 1-го Томаровского с/сов. который добился в среднем за 2 года от 122 гусынь, выхода по 9,5 голов на каждую свинью.

Пред. РИК'а ЖИДКИХ
Секретарь РИК'а СВИШЕВ

ПРИКАЗ № 11

ПО БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ РЫБОВОДНО-МЕЛИОРАТИВНОЙ СТАНЦИИ
28/II—1939 года.

На время моего отъезда в служебную командировку в Улан-Уде заместителем моим оставляю А. Кактынь. Все работы по строительству колодца согласно решения комиссии и соответствию производственных указаний техника Муратова возлагаются на А. Кактынь.

...Предупреждаю, копайте яму для спуска бетона, а не для человека, в которую сами можете завалиться.

Директор РМС В. СЕЛЕЗНЕВ.

Рис. Л. Бродаты

Один из публики крикнул:

— Хорошенький у тебя дом: кто-то из твоих квартирантов сапоги свистнул! Слабо воспитываете жильцов вместе со своим управдомом!!

Дворник говорит пострадавшей женщине:

— Приблизительно опишите мне приметы этого жильца. Тогда я могу что-нибудь сказать насчет его отыскания. Я их всех знаю, поскольку седьмой год воспитываю.

Испускавшая стоны женщина сказала дворнику, что особых примет она не заметила, только она помнит, что он черный и без кепки. И голос у него скрипучий, как после выпивки. Все остальное ускользнуло от ее внимания, поскольку ее голова не тем была занята.

Тогда дворник сказал, что случай затруднительный, так как в их доме всего два блондина и пять рыжих. Все остальные черные, и почти все выпивают. Так что из их числа находить вора он не берется.

Вдруг через толпу протискивается один неизвестный гражданин. Он весьма взволнован. И он так говорит женщине:

— Не надо слез. Успокойтесь. В ваше положение мы входим. Все вам сочувствуем. Клеймим позором недостойного человека, оказавшегося вором. Вот, возьмите от меня некоторую сумму денег. Это я вам даю от чистого сердца, как товарищ, увидавший товарища в беде.

И с этими словами неизвестный человек протягивает женщине купюру в 30 рублей.

Женщина не хочет брать, но толпа велит ей это сделать.

Под аплодисменты неизвестный товарищ скрывается в толпе.

Тотчас еще кто-то раскошелывается и сует деньги женщине в руку.

И растерявшаяся женщина стоит, не понимая, какие мысли ей подвести под все это.

Тогда удовлетворенная толпа расходится. И дворник тоже уходит. И женщина медленно шествует по улице, с недоумением поглядывая на полученные деньги.

Вдруг ее догоняет человек с сапогами в руках. И женщина видит, что это тот самый человек, который взял на примерку ее сапоги.

Этот человек, запыхавшись, так ей говорит:

— Фу, как вы меня напугали, уважаемая! Выхожу из ворот, вдруг вижу: вас нету. Уж я хотел в милицию нести ваши сапоги, чтоб невольно не оказаться вором. Зачем же вы ушли? Конечно, я немножко долго не выходил, но на это была причина: все жильцы с нашей квартиры примеряли ваши баркасы, но никому они не подошли. Вот примите назад ваши сапожищи. Сочувствую, что вы приобрели такой нечеловеческий размер.

Женщина начала было лепетать, что она получила деньги от неизвестных и теперь ей нелегко принимать сапоги. Но наш покупатель, не став слушать ее несвязных речей, отбыл в другом направлении.

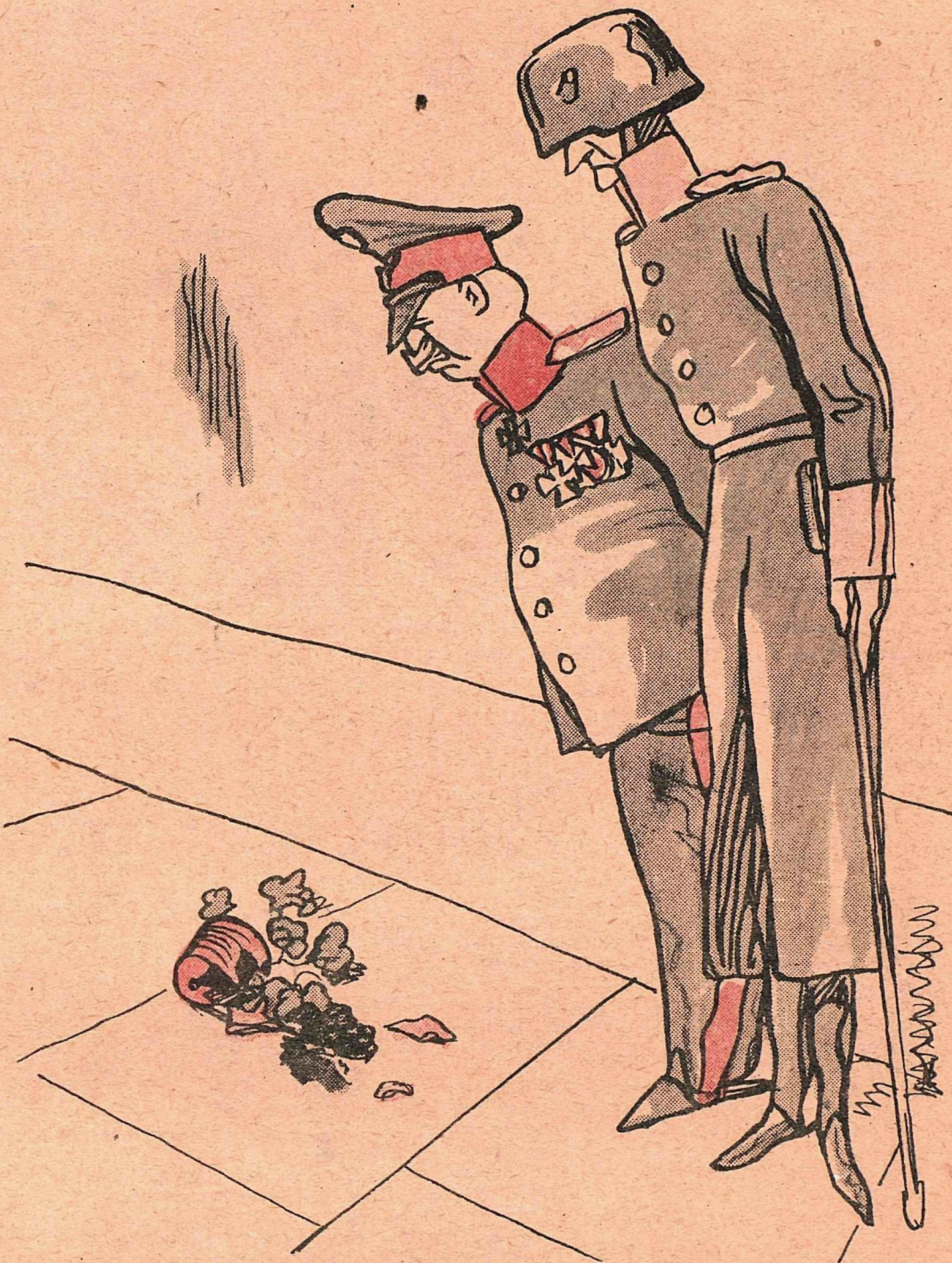
Некоторое время постояв на улице и подумав, женщина направилась в магазин, где купила эти баркасы, и там попросила вернуть ей деньги за сапоги, которые ей не годятся.

В магазине не стали с ней спорить. Выдали ей деньги. Взяли назад сапоги. И тотчас стали их кому-то продавать. А женщина с двойной суммой вернулась домой и дома рассказала мужу, как все было.

Муж сначала на нее рассердился, но потом рассмеялся и пришел в хорошее настроение. Он сказал, что это случай удивительный. И что это следовало бы напечатать в газетах красным шрифтом. А поскольку у них столько денег скопилось на сапоги, то он, не будучи франтом, согласен, чтобы ему купили лучшую модельную обувь. И это ему будет воспоминанием об этом факте.

Жена обещала это сделать, говоря, что добросовестные работники вроде ее мужа заслуживают ходить в изящной обуви. И если таковая найдется, то она так и сделает.

МИХ. ЗОЩЕНКО.

— Ваше превосходительство! Советую вам носить стальной шлем: население часто встречает нас цветами.

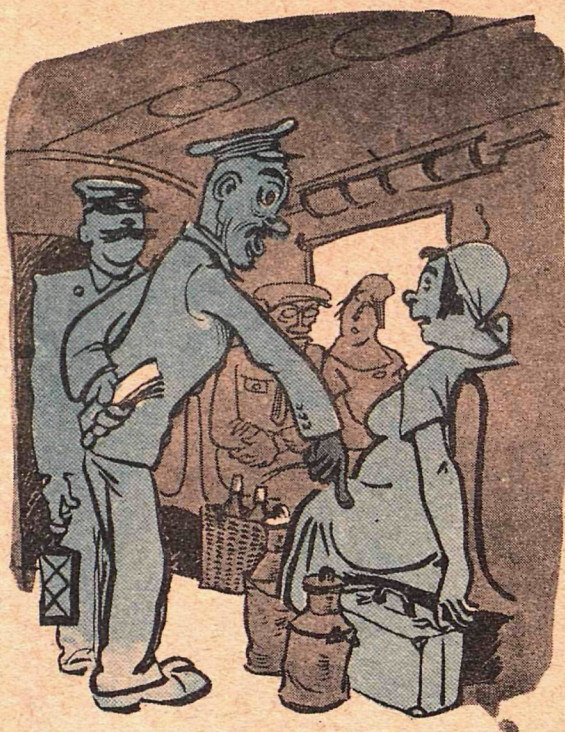
Встреча на Алтае

Алтай уходит в небеса,
Кругом хребты Алтая,
Отроги, пропасти, леса,
Снега лежат, не тая.
Иду один. Внизу вода
Играет, как живая,
Гляжу туда, гляжу сюда,
А сам дышу едва я.
Но высоты не покорив,
А пот по телу — градом,
Иду без перерыва,
И вот передо мной обрыв,
А рядом два обрыва.
Сажусь, довольный вышиной —
А пот по телу — градом.
И вижу: кто-то сел со мной,
Не где-нибудь, а рядом.
Гадаю, он или она,
Гляжу, во что одета.
И вижу — вот тебе и на! —
Что не мужчина это.

Тогда я говорю: «Алло!
Мол, удивлен слегка я,
И что сюда вас привело,
И кто вы есть такая?!»
Ответа жду. Ответа нет,
И вдруг —
Пятью словами:
«Я ваша смерть, — она в ответ, —
Пришла, — говорит, — за вами.»
«Да погодите, — говорю, —
Куда это годится?
Я папиросы не курю,
Я не успел жениться.
Я не читал, я не видал
Того-то и того-то...
Я ничего еще не дал,
И я не сдал зачета.
И чтобы чести не марать,
То, рассуждая здраво:
Я не желаю умирать

И не имею права!»
И вижу:
Смерть поражена.
Ну, думаю, бывает.
И в знак согласия она
Ответно мне кивает.
И — хлоп ручищей по плечу...
И добрыми словами:
«Я верю вам, и я хочу
Быть откровенной с вами.
Поймите — я прошу понять, —
Ведь жизнь не без предела,
И надо жить, чтоб не пенять
Потом на это дело.
Отсюда линия одна:
Бери любые дали,
Гляди вперед, ныряй до дна
И жми на все педали!»

СЕРГЕЙ СМIRHOV

Этим не разрешено возить керосин, а они возят.

Этим же разрешено возить керосин, а они не возят.

Мой секретарь

МОЯ фамилия — Усачев. Валентин Георгиевич Усачев. Может, слышали? Я художник. Мои картины часто встречаются на выставках.

Меня все считают честным, порядочным человеком. Я и сам был долго такого мнения. Но в последнее время у меня появились кое-какие колебания по этому вопросу.

— А не жулик ли вы, гражданин?

С этим деликатным вопросом я все чаще обращаюсь к известному художнику Усачеву. То есть к самому себе.

Дело в том, что среди нас еще водятся люди, которые своим поведением то и дело принуждают меня отклоняться в сторону от стези добродетели и благонравия.

Началось это в прошлом году. Моя маленькая дочка Анюта заболела. У нее в правом ухе появился нарыв. Десяток разных врачей лечил Анюту, но существенных результатов не было.

Мне посоветовали обратиться к одному крупному медицинскому светилу, Модесту Поликарпычу Н. Он, мол, на ухах собаку с'ел. Он посмотрит тебе в правое ухо и сразу знает, что у тебя творится в левом ухе. Короче говоря, достаточно уплатить ему за визит, чтобы больной сразу почувствовал большое облегчение.

Позвонил я светилу по телефону. Но, оказывается, светила сами не подходят к телефону. Подошла какая-то женщина. Вероятно, жена светила. Приятным, мелодичным голосом она мне дала почувствовать всю мою бестактность. Модест Поликарпыч, конечно, слишком занят, Модест Поликарпыч, конечно, в ближайшее время не сможет...

Тут как раз приходит ко мне один мой знакомый. Некто Сургучев Иван Николаич, геолог. Рассказываю я ему эту историю. Сидим и думаем, что бы такое предпринять, чтоб скорее облегчить страдания Анюты.

Вдруг мой геолог вскакивает с места, как ужаленный.

— Дайте, — говорит, — номер телефона этого светила. Попробую позвонить. Думаю, не откажет...

— А вы разве знакомы с ним?

— Не более чем с епископом Кентерберийским. Все же попытка — не пытка. Даю ему номер телефона. Конечно, на успех не надеюсь.

(Слышу, геолог говорит в трубку:

— Квартира профессора Н.? Говорит секретарь художника Усачева. Валентин Георгиевич очень просит Модеста Поликарпыча...

И так далее и так далее. Геолог повесил трубку и говорит мне:

— Ровно через час светило будет здесь.

— Почему?

— Очень просто. Потому что он должен оказывать медицинскую помощь...

— Но почему?..

— Ничему не удивляйтесь. К сожалению, все очень просто. Есть у нас еще не мало людей, которые, выражаясь высоким стилем, носят в себе пережитки старого. Они коленопреклоняются перед чинами. Их не восхищают ваши рекорды, книги, картины, симфонии, если вы к тому же не носите какого-нибудь высокого звания. А личный секретарь — это больше чем чин и звание. Человек без личного секретаря — просто человек. Человек с личным секретарем — это большой человек...

Прошел месяц. Мне понадобилось отдать костюм в химическую чистку. Ходил я по всей Москве — нигде не принимают. Что делать?

И я решил. Я узнал телефон одной из мастерских химчистки, где я уже получил отказ. Я позвонил туда:

— Говорит секретарь художника Усачева. Валентин Георгиевич спрашивает, может ли он...

Меня прервали:

— Пожалуйста. Сделаем быстро и в наилучшем виде.

Я отнес костюм. В мастерской отрекомендовался секретарем художника Усачева. Со мной приветливо разговаривали. У меня спрашивали подробности из биографии художника Усачева. У меня приняли заказ.

«Мой секретарь» все чаще и чаще стал появляться на арене. Я возненавидел его. Я завидовал ему.

«Почему, — спрашивал я самого себя, — я, Усачев, бессилён там, где всемогущ мой секретарь, то есть я в роли своего секретаря?»

Попасть на прием к районному прокурору, купить билет в оперу, заставить управдома отремонтировать уборную, выписать газету — все это я делал через моего несуществующего секретаря.

Мой секретарь ничего противозаконного не совершал. Он не злоупотреблял своим положением. Лишь тогда, когда мне полагалось что-либо по закону и я не мог этого добиться, — лишь только тогда я пускал в ход эту великую силу — личного секретаря.

Правда, у него нередко бывали осечки. Ему говорили: «Передайте товарищу Усачеву, что никак нельзя». Но тем не менее у него были и успехи. Почему? С какой стати?..

Извините, что я задержал настолько ваше внимание. Да и домой мне пора. А живу я далеко, на окраине.

Надо вызвать такси. Набираю номер. Говорю:

— Можете прислать машину по адресу... Что? Машин нет? И не будет?

Вешаю трубку. Опять набираю номер. Говорю:

— Говорит секретарь товарища Усачева. Пришлите, пожалуйста, машину по адресу... Только скорее. Через пятнадцать минут? Хорошо...

Вот видите, каков мой секретарь, чтоб ему пусто было!..

Г. РЫКЛИН

Новости эстрады

СРЕДИ ЖОНГЛЕРОВ. Надяж в одном из летних парков выступил жонглер А. Н. Барсуков, завоевавший огромный успех у публики. Жонглируя цифрами, А. Н. Барсуков, работающий по совместительству редактором журнала «Математика в школе», сообщил в № 2 журнала, что «трехсотмиллионная армия советского учителя — самый многочисленный отряд нашей советской интеллигенции». Управление цирками ведет переговоры с А. Н. Барсуковым о переходе на постоянную работу жонглером.

Спаситель

Рис. В. Горяева

И ШВЕЦ И ЖНЕЦ

ПО ВСЕЙ вероятности, все люди условно делятся на две группы: на «везучих» и на «невезучих». Что касается первых, то с ними вопрос совершенно ясен. Представителю первой группы не составляет, например, никакого труда победить своих соперников на международном конкурсе скрипачей, выиграть дивную радиолу по лотерее Осоавиахима или, скажем, в день финального матча между лидерами футбольного календаря купить у входа два билета на северную трибуну.

Вторая же группа значительно более стеснена в своих возможностях.

Гриша Еропкин был законченным представителем второй группы. Этому человеку фантастически не везло. Наднях с ним произошел весьма показательный случай.

Был летний день. Гриша Еропкин побрился, надел белоснежные хрустящие брюки, рубашку апаш и отправился в парк. Он условился встретиться с Ниночкой Кожемякиной у скульптуры «Девушка с веслом».

Предвкушая прелесть свидания, наш герой стоял на задней площадке трамвая и думал о том, как было бы здорово совершить что-нибудь такое, что определило бы, наконец, для Гриши его настоящее место в жизни. Короче говоря, Гриша мечтал о славе. Он хотел подвига на глазах у молчаливой от восхищения толпы... Гриша мечтательно зажмурил глаза. Трамвай подбросило на стрелках, и в этот миг почудилось Грише Еропкину, что его несут на руках представители общественных организаций и отдельные граждане... А когда Гриша открыл глаза, перед его взором открылось нечто, заставившее его вздрогнуть.

Большой дом, мимо которого шел трамвай, был окружен толпой. Из окон верхнего этажа вырывались клубы дыма. Пожарные, разматывая шланги, уже приступили к тушению.

Не задумываясь ни на минуту, Гриша спрыгнул на ходу с трамвая и бросился к горящему дому. Прорвавшись сквозь сцепление, он оглянулся на зевак и полез по водосточной трубе с ловкостью молодого буцмена.

Восхищенная толпа, затаив дыхание, следила за смельчаком. Треск воды, вылетающей из брандспойтов, походил на барабанную дробь. Гриша лез и лез все выше и выше, и картины одна заманчивее другой вставали перед ним...

Добравшись до четвертого этажа, Гриша энергично высадил раму и, прикрывшись рукой, прыгнул в окно.

Комната была заполнена дымом. Метались перепуганные люди. В углу кричал хриплым, отчаянным голосом какой-то несчастный. Сорвав с окна тяжелую бархатную портьеру, Гриша накинул ее на погорельца и, взвалив его на плечи, пошел к окну. Несчастный бился в его руках.

Гриша появился на балконе и, бегом глянув вниз, начал спускаться по пожарной лестнице.

Погорелец силился вырваться из цепких гришинных рук. Этот человек обезумел от горя. Он хрипел и кусал Гришу за руки.

— Не волнуйтесь, — ласково сказал Гриша. — Я вас вытащил и остальных ваших вытащу!..

Услышав эти слова, несчастный глухо застонал. Он, повидимому, не мог забыть родных и близких, оставшихся наверху.

— Пусти! — глухо закричал погорелец. — Пусти, дьявол!

«Ага! — подумал Гриша. — Стихия уже помутила его разум. Ничего, земля близко!»

Гриша спрыгнул с нижней ступеньки и с драгоценной ношей пошел навстречу почтительно расступившейся толпе.

Отыскав глазами большую лужу воды, Гриша бережно положил в нее притихшую жертву огня.

Сотни глаз устремились на Гришу, и он уже читал в этих глазах немое поклонение.

Тем временем спасенный пришел в себя. Зеленая бархатная портьера слетела как плащ. Гриша ахнул и покачулся.

В большой луже, широко раскинув ноги, в сверкающей каске сидел багровый от ярости усатый и коренастый начальник пожарной команды...

БОРИС ЛАСКИН

— Не нужны ли вашему дому отдыха физкультурник, затейник, экскурсовод, инструктор танцев, руководитель джаза, киномеханик, парикмахер?

— Да, нужны.

— Прекрасно. Когда я могу приступить к работе?

За душевное слово

С. ВАСИЛЬЕВУ

Стихи Васильева как будто неплохи...
Но ясен факт: они совсем не в моде!
Чуть начинается он читать стихи,
Все громогласно требуют пародий.
Пойми, поэт! Серьезен общий суд.
Взгляни на правду трезвыми глазами!
Пародию в стихах всегда сочтут стихами,
Но вдруг твои стихи... пародией сочтут?

А. ФАДЕЕВУ

Последний Удэг поведат нам намерни,
Что пишет пятый том...
и тоже не последний!

ПЕРПЕТУУМ МОТЭЛЕ

(И. УТКИНУ)

Уже пятнадцать лет судьба его ясна...
Всё в заголовке сказано спола.

ИЗ КИНОХРОНИКИ

...Картину ставят «Муромец Илья».
Артист Черкасов, занятый в картине,
Сыграет роли Муромца, Добрыни,
Алеши, змия, сабли и копыя.

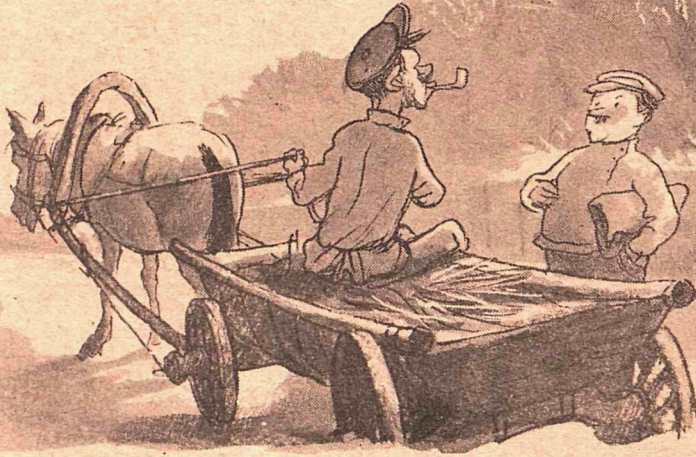
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Рис. Н. Радлова

— Уступите место женщине с ребенком.
— Я сам с мамой еду.

— Где тут поле колхоза?
 — Прямо за моей усадьбой. Садись, подвезу. Пешком далековато.

ПОЛЮШ ПОЛ

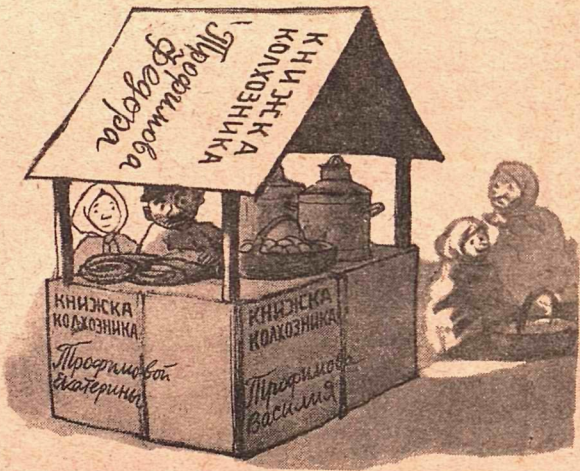
Подвляющая масса колхозников честно и самоотверженно работает над укреплением общественного хозяйства. Но есть в колхозах довольно значительная часть мнимых колхозников.

— И глуп же тот козел: полез к Осокину на огород! Вот мы грядках пасемся — и он нас не трогает.

— Никак, этим метят и в мой огород?

„Семейная“ палатка.

— А еще год на колхозном колхозного пол

— Куда везешь навоз?
 — К себе на участок. Не стану же я всякую дрянь на колхозное поле сваливать!

Случай, когда исключение (лодырей из колхоза) должно стать правилом.

КО, ТЕ...

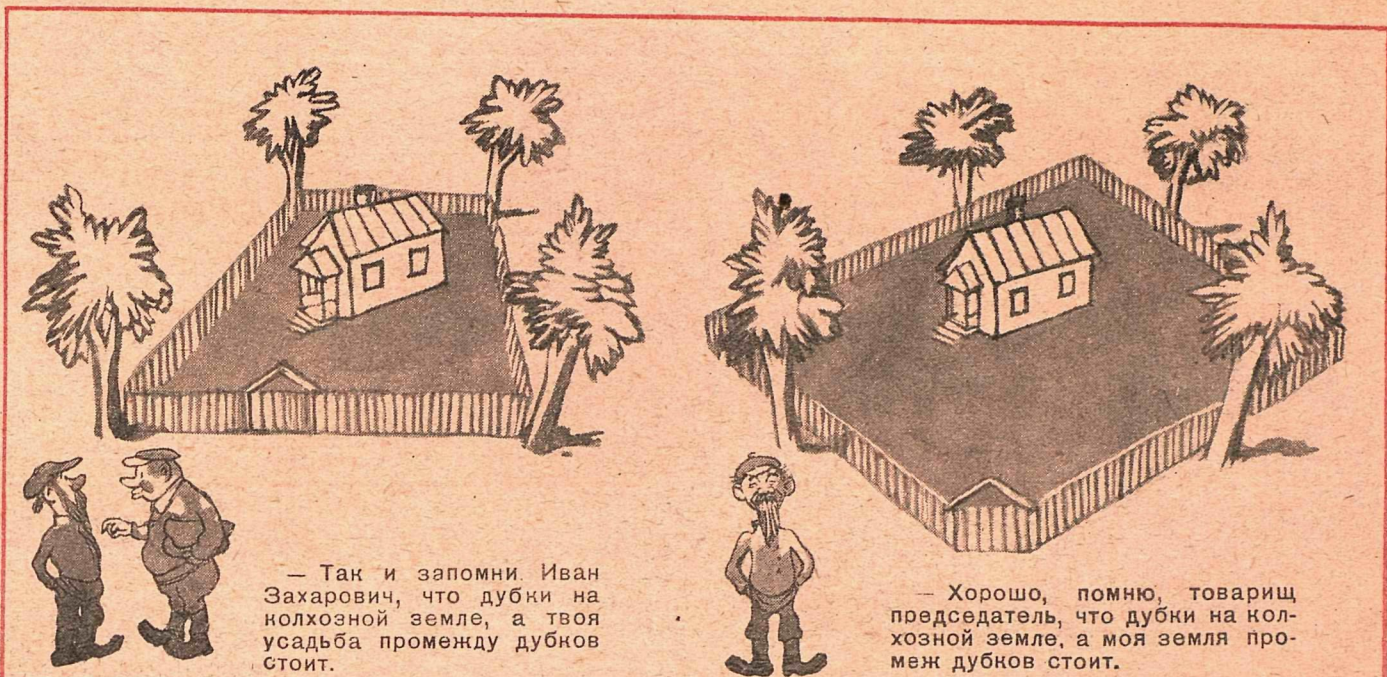

третий час на колхозных

ворят, что я плохо работаю поле! Да ведь мой огород из-за и нарезан!

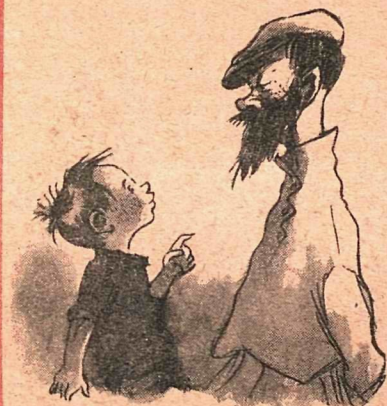
а)

— Так и запомни. Иван Захарович, что дубки на колхозной земле, а твоя усадьба промеду дубков стоит.

— Хорошо, помню, товарищ председатель, что дубки на колхозной земле, а моя земля промеду дубков стоит.

ПОМОЩНИК

— Я, тятка, теперь уже до десяти умею считать.
— Ишь, ты! Ну, будь моим счетоводом. Подсчитай мои трудодни за год.

ТУНЕЯДСКАЯ МЕХАНИКА

СТОЛ РАЗВОДОВ

Разошлись.

Сошлись.

Мы печатаем отрывки из нового романа Леонида Соловьева «Возмутитель спокойствия» (Ходжа Насреддин в Бухаре).
 Ходжа Насреддин, он же Молла Насреддин,—знаменитый на всем Востоке герой всевозможных анекдотов, сказок и шуток. В нем воплотил народ свою мудрость, свое стремление к свободе, ненависть к угнетателям, свой стихийный атеизм.
 Обычно во всех анекдотах Ходжа Насреддин—старик. В романе Соловьева он представлен читателю молодым. Этот роман—попытка по-новому осмыслить и нарисовать образ Ходжи Насреддина, сохранив в то же время дух восточного фольклора.

Возвращение Ходжи Насреддина

...Рано утром со всех минаретов опять запели муэдзины; ворота открылись, и караван, сопровождаемый глухим звоном верблюжьих бубенцов, медленно вошел в город.

За воротами караван остановился: дорогу перегородили стражники. Их было великое множество—обутых и босых, одетых и полуголых, еще не успевших обогатиться на эмирской службе. Они толкались, кричали, спорили, заранее распределяя между собой наживу. Наконец, из чайханы вышел сборщик пошлин, он же начальник стражи—тучный и сонный, в шолковом халате с засаленными рукавами, в туфлях на босу ногу, со следами невоздержанности и порока на оплывшем лице. Окинув жадным взглядом купцов, он сказал:

— Приветствую вас, купцы, желаю всем удачи в торговых делах. И знайте, что есть повеление эмира избивать палками до смерти каждого, кто утаит хоть самую малость товара.

Купцы, охваченные смущением и страхом, молча поглаживали свои крашенные бороды. Сборщик повернулся к стражникам, которые от нетерпенья давно уже приплясывали на месте. Сборщик пошевелил толстыми пальцами—это был знак. Стражники с гиком и воем, с глазами, горящими неутоленным огнем, сбивая по дороге караванщиков и купцов, кинулись к верблюдам. В давке и спешке они прямо саблями перерубали волосяные арканы и звучно вспарывали тюки, выбрасывая на дорогу парчу, шолк, бархат, ящики с перцем, чаем, ванилью и амброй, склянки с драгоценным розовым маслом и тибетскими лекарствами.

Купцы от ужаса лишились языка.

Через две минуты осмотр окончился. Стражники выстроились позади своего начальника. Халаты их топорщились и отдувались.

Начался сбор пошлин за товары и за в'езд в город. У Ходжи Насреддина товаров не было; с него полагалась пошлина только за в'езд.

— Откуда ты приехал и зачем?—спросил сборщик.

Писец обмакнул в чернильницу гусиное перо и приготовился записать в толстую книгу ответ Ходжи Насреддина.

— Я приехал из Персии, о пресветлый господин. Здесь, в Бухаре, живут мои родственники, с которыми не виделся я десять лет.

— Так,—сказал сборщик.—Ты едешь в гости к своим родственникам,—значит, ты должен заплатить гостевую пошлину.

— Но я еду к своим родственникам не в гости,—возразил Ходжа Насреддин.—Я еду по важному делу.

— По делу!—вскричал сборщик, и в глазах его мелькнул блеск.—Значит, ты едешь в гости и одновременно по делу! Плати гостевую пошлину, деловую пошлину и пожертвуй на украшение мечетей во славу аллаха, который сохранил тебя в пути от разбойников.

«Лучше бы он сохранил меня сейчас, а от разбойников я бы как-нибудь уберегся»,—подумал Ходжа Насреддин, но сказать—ничего не сказал: он успел подсчитать, что в этой беседе каждое слово обходится ему больше чем в десять танга. Поэтому он молча развязал пояс и под хищными пристальными взглядами стражников начал отсчитывать пошлину за в'езд в город, гостевую пошлину, деловую пошлину и пожертвование на украшение мечетей.

Ходжа Насреддин расплатился и хотел уже уходить, но сборщик заметил, что в его поясе осталось еще несколько монет.

— Подожди,—остановил он Ходжу Насреддина.—А кто же будет платить пошлину за твоего ишака? Если ты едешь в гости к родственникам,—значит, и твой ишак едет в гости к родственникам?

— Ты прав, о мудрый начальник,—смирненно ответил Ходжа Насреддин, снова развязывая пояс.—У моего ишака в Бухаре действительно великое множество родственников—иначе ваш эмир с такими порядками давным-давно полетел бы вверх тормашками с трона, а ты, о почтенный, за твою жадность попал бы на кол!

Прежде чем сборщик опомнился, Ходжа Насреддин вскочил на ишака и, пустив его во весь опор, исчез в ближайшем переулке.

«Скорее, скорее!—говорил он.—Прибавь ходу, мой верный ишак, прибавь ходу, иначе твой хозяин заплатит еще одну, последнюю пошлину собственной головой!»

Ишак у Ходжи Насреддина был очень умный и все понимал; он слышал своими длинными ушами гул и смятение у городских ворот, крики стражников: «Ищи! Лови! Держи!» И, не разбирая дороги, мчался так, что Ходжа Насреддин, обхватив обеими руками его шею и высоко подбрав ноги, едва держался в седле. За ним с хриплым лаем неслась целая свора собак; разбегались, в разные стороны, крича и хлопая крыльями, куры; встречные жалась к заборам и потом долго смотрели вслед, недоуменно покачивая головами.

Так, через десять лет изгнания появился он в Бухаре с шумом и гамом, в облаках пыли и под звуки собачьего лая.

Тем временем у городских ворот стражники обшарили всю толпу, но так и не смогли найти дерзкого вольнодумца. Купцы же, ухмыляясь в бороды, шептали друг другу:

— Вот ответ, который сделал бы честь даже самому Ходже Насреддину.

К полудню уже весь город знал об этом ответе: продавцы на базаре рассказывали шопотом покупателям, а те передавали дальше, и все смеялись, добавляя обязательно: «Вот слова, достойные самого Ходжи Насреддина!»

И никто не знал, что эти слова принадлежат действительно самому Ходже Насреддину, что он сам, знаменитый и несравненный Ходжа Насреддин, бродит сейчас по городу, голодный, без гроша в кармане, разыскивая родственников или старых друзей, которые бы накормили его и приютили на первое время.

Научный способ

Даже для Ходжи Насреддина, повидавшего в жизни многое, этот день—первый день пребывания на родине—был слишком беспокоен и богат приключениями. Ходжа Насреддин устал и стремился укрыться куда-нибудь в тихое место на отдых.

— Нет!—вздыхнул он, увидев еще издали множество людей, толпившихся вокруг водоема.—Видно, мне сегодня не суждено отдохнуть. Вон, опять что-то случилось.

Водоем лежал в стороне от большой дороги, и Ходжа Насреддин мог бы проехать мимо, но не таков был Ходжа Насреддин, чтобы упустить случай вмешаться в спор, скандал или драку.

Ишак, в совершенстве изучивший за долгие годы характер своего господина, повернул, не дожидаясь приказаний, к водоему.

— Что случилось? Кого убили? Кого обокрали?—закричал Ходжа Насреддин, направив ишака в самую гущу народа.—А ну-ка, расступись! Дорогу! Дорогу!

Когда он пробился через толпу и под'ехал к самому краю большого, покрытого зеленоватой плесенью водоема, то увидел картину необычайную: в трех шагах от берега тонул человек. Он то выныривал, то опять погружался, пуская со дна большие пузыри.

На берегу суетилось множество людей; они тянулись к тонущему, стараясь ухватить его за халат, но руки их не доставали на каких-нибудь пол-аршина.

— Давай руку! Давай! Давай!—кричали они. Тонуший же словно бы не слышал и не подавал им руки, продолжая равномерно погружаться и снова выныривать. И в соответствии с его странствиями на дно и обратно по водоему расходились ленивые волны и с тихим плеском лизали обрывистый берег.

— Странно!—сказал Ходжа Насреддин наблюдая.—Очень странно. Какая может быть причина этому? Почему он не протягивает руки? Может быть, он искусный водолаз и ныряет на спор, но почему тогда он в халате?

И Ходжа Насреддин задумался. Пока он думал, тонуший успел нырнуть раза четыре, причем с каждым разом пребывал на дне все дольше и дольше.

— Очень странно,—повторил Ходжа Насреддин спешиваясь.

— Обожди здесь,—обратился он к ишаку,—а я подойду взглянуть поближе.

Тонуший в это время погрузился глубоко и не показывался так долго, что некоторые на берегу начали уже творить заупокойные молитвы. Но вдруг он показался опять. «Давай! Давай!»—закричали люди, протягивая к нему руки, но он, посмотрев белыми глазами и не протянув руки, опять пошел безмолвно и плавно ко дну.

— Ах, вы, недогадливые чудаки!—сказал Ходжа Насреддин, обращаясь к суетившимся на берегу людям.—Разве не видите вы по дорогому халату и по шолковой чалме, что этот

человек—мулла или богатый вельможа? И неужели вы до сих пор не изучили характера муллы и вельможи и не знаете, каким способом надо вытаскивать их из воды?

— Вытаскивай скорее, если ты знаешь!— закричали в толпе.— Спасай его, он оказался. Вытаскивай!

— Подождите, я не закончил еще своей речи. Где, спрашиваю я вас, где встречали вы муллу или вельможу, который когда-нибудь что-нибудь кому-нибудь давал? Запомните, о невежды: муллы и вельможи никогда ничего не дают: они только берут. И спасать их из воды надо научным способом, соответственно особенностям их характера. Вот смотрите.

— Но ты уже опоздал!— кричали из толпы.— Он уже не вынырнет больше.

— Вы думаете, что водяные духи так легко примут к себе муллу или вельможу? Вы ошибаетесь. Водяные духи постараются всеми силами избавиться от него.

Ходжа Насреддин присел на корточки и стал терпеливо ждать, наблюдая за пузырями, что восходили со дна и плыли к берегу, подгоняемые легким ветром.

Наконец, что-то темное стало медленно подниматься из глубины. Тонуший показался на поверхности— в последний раз, если бы не Ходжа Насреддин.

— На!— крикнул Ходжа Насреддин, сунув ему руку.— На!

Тонуший судорожно вцепился в протянутую руку. Ходжа Насреддин даже поморщился от боли.

И потом на берегу долго не могли разжать пальцев спасенного.

Несколько минут лежал он без движения, окутанный водорослями и облепленный зловонной тиной, скрывавшей черты его лица. Потом изо рта у него, из носа, из ушей хлынула вода. Он пошевелинулся.

— Сумка! Где моя сумка!— простонал он и не успокоился до тех пор, пока не нашупал на боку сумку. Тогда он стянул с себя водоросли и полый мокрого шолохового халата вытер слой тины с лица. И Ходжа Насреддин отшатнулся: настолько безобразным было это лицо с плоским перешибленным носом и вывернутыми ноздрями, с бельмом на правом глазу и клыком, торчащим изо рта. Вдобавок он был еще и горбат.

— Кто мой спаситель?— спросил он скрипучим голосом, обводя столпившихся людей своим единственным оком.

— Вот он!— загудели все; выталкивая вперед Ходжу Насреддина.— Мы не могли вытаскивать тебя, потому что кричали «Давай!», и ты не давал нам своей руки. Он же догадался крикнуть тебе «На!»— и ты сразу ухватился за его руку.

— Подойди сюда, я вознагражу тебя,— спасенный запустил руку в свою сумку, где еще хлопала вода, и достал горсть мокрого серебра.— Впрочем, в том, что ты меня вытаскивал, нет ничего особенного и удивительного. Я, пожалуй, и сам бы выплыл,— продолжал он сварливым голосом.— Только круглые дураки и грубияны могут кричать тонущему «Давай!», в то время как следует сказать ему «На!» Слава аллаху, что среди вас нашелся хоть один человек не столь уж глупый.

Пока он говорил, горсть его— от слабости ли, а может быть, и по другой причине— постепенно разжималась, и деньги с тихим звоном текли сквозь пальцы обратно в сумку. Наконец, в руке осталась одна монета— полтавня; он со вздохом протянул монету Ходже Насреддину.

— Вот тебе деньги. Пойди на базар и купи миску плова.

— Здесь не хватит на миску плова,— сказал Ходжа Насреддин.

— Ничего, ничего. А ты возьми плов без мяса. Ишь, ведь, как все разбаловались! Подавай им плов обязательно с мясом.

— Теперь вы понимаете,— обратился Ходжа Насреддин к остальным,— что я спасал его действительно научным способом.

И он направился к своему ишаку.

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

МЕЧТАТЕЛЬ

Рис. А. Каневского

УПРАВДОМ-ТУРИСТ:— Что мне здесь нравится, так это помойная яма: всю жизнь можно не чистить!

О героях

НА СТАНЦИЮ «Светозорова» приехал писатель со звучной фамилией—Леопардов.

— Из Москвы к вам. Повесть буду писать. — Значит, герой нужен,— догадался председатель месткома.— Это можно: героев у нас хоть отбавляй, выбирай только. Вот возьмите Никиту Лотова,— показал он на стрелочника,— замечательный герой.

— А что, аварию вы какую-нибудь предотвратили?— с места в карьер начал допытываться Леопардов.

— Что вы, аварию!— обиделся Лотов.— У нас на станции их уж пятый год нет!

— Да, с авариями у нас туго,— согласился председатель месткома.

Писатель сокрушенно покачал головой.

— Да вы машиниста возьмите,— предложил

снова председатель.— Морозова, исправный машинист.

На вопрос Леопардова: «Не было ли взрывов котла?»— Морозов флегматично ответил:

— А чего им взрываться, раз уход хороший?

— Ну, колеса, может, отваливались, или дышла лопались?

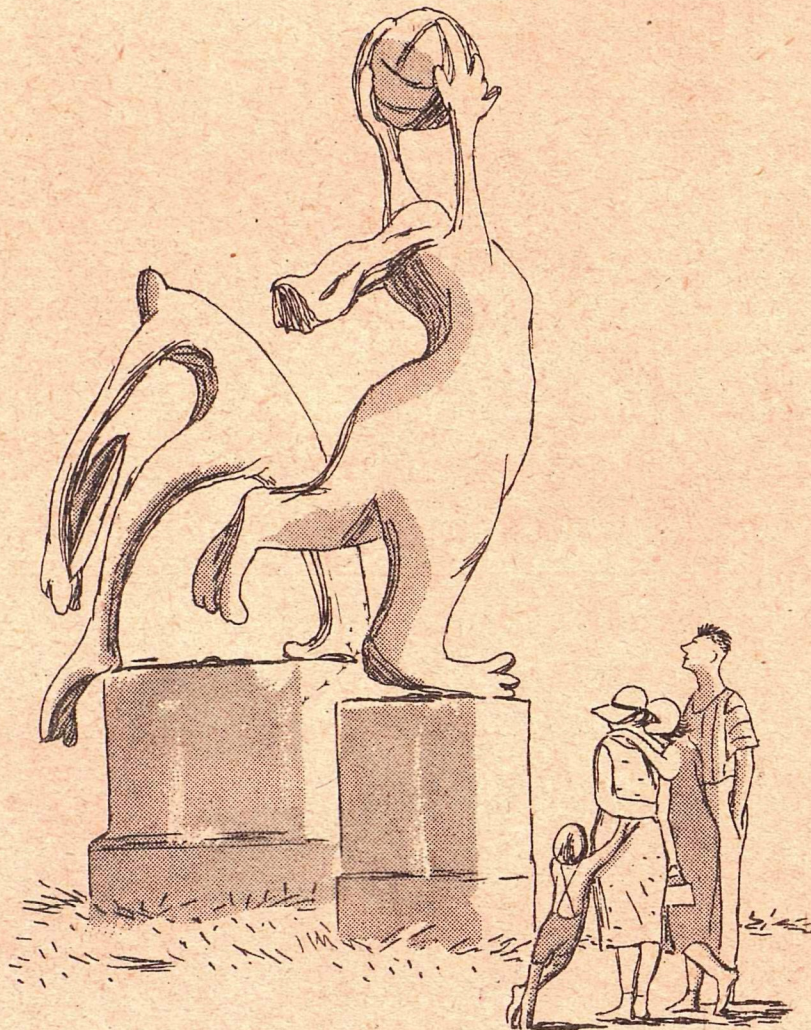
— Колесам не даем отваливаться, а касательно дышел, так дышла теперь не лопаются: слесари их лупой осматривают, да и сами поглядываем.

Через два дня Леопардов сидел дома, около самовара, и громко прихлебывая чай, жаловался жене:

— Зря проездил! Говорили: станция— самая лучшая на дороге, а приехал— ни одного героя нет.

А. ТОРСУНОВ

Рис. Л. Сойфергиса

— Занимайтесь физкультурой, и вы не будете похожи на этих "физкультурников".

Однажды ночью

В О ВТОРОМ часу ночи Иван Семенович закончил кварталный отчет, облегченно вздохнул и вышел на улицу. Тротуары были еще теплые от дневного зноя, пахло топелем. Будь Иван Семенович в такую ночь в деревне, он непременно разулся бы и пошел босиком по траве, закинув голову, глядя в звездное небо. Может быть, он даже засвистел бы или запел бы что-нибудь потихоньку.

Однако приходилось не свистеть и не мечтать, а думать, как бы скорее добраться до дома. Прасковья Ивановна терпеть не могла его вечерней работы, не верила ему или только делала вид, что не верит, бог ее знает. Она упрекала его — лысенского, в сереньком пиджаке: «Небось, за девчонками на службе ухлестываешь!»

Безупречного Ивана Семеновича мучили упреки, было совестно и обидно, и он в оправдание себе придумывал всякие необыкновенные истории, казавшиеся Прасковье Ивановне почему-то более правдоподобными чем его служебное, ненавидимое ею бдение. Истории были нехитрые, но всегда с драматическим оттенком.

То он спрыгнул с площадки трамвая и его отвели в милицию. Прасковья Ивановна кричала: «Старый дурак! Мальчишка!» — но по крайней мере не попрекала его девчонками.

То он будто бы упал на улице в обморок и очнулся только в кабинете врача (безусловно, мужчины). Встревоженная Прасковья Ивановна гремела: «Эфиоп! Когда же ты, наконец, пообеспокоишься о своем здоровье!» — и заботливо совала ему подмышку градусник. Однажды он рассказал даже, что какие-то темные личности чуть было не ограбили его в переулке, он долго отбивался и все же вышел победителем. Прасковья Ивановна испугалась не на шутку, заплакала, вытащила из чулана дедушкино охотничье ружье и умоляла Ивана Семеновича брать его с собой на службу. Это был счастливый вечер. Он навеки утвердил в сознании Ивана Семеновича, что есть ложь во спасение.

И вот теперь, идя по пустынным улицам, он мучительно обдумывал новую историю и одновременно воображал, на чем бы ему уехать. На трамвае? Поздно. На такси? Не похвалила бы его Прасковья Ивановна за такси: «Небось, не в одиночку на машинах раскатываешься...»

Да и не было у него сноровки нанимать такси. Он часто видел, как высокие молодые парни, у которых такой вид, будто все кругом — их собственное — и улица, и такси, — широко шагали вперед и вытягивали ручищу машине наперерез: «Стоп!»

А Иван Семенович так не мог. У него на это руки не поднимались. Шофер — человек занятый, торопится, и вдруг — стоп! А он — ноль внимания и — мимо. И сразу как-то неловко перед прохожими...

Иван Семенович дошел до площади. Под фонарем стояли два такси. Он тихо подошел к одному из них (ни в каких марках он не разбирался: машина и машина — автомобиль). Шофер дремал. Иван Семенович легонько постучал согнутым пальцем по стеклу.

Шофер очнулся, но, взглянув на Ивана Семеновича, потянулся и зевнул:

— Чего еще?

— Я хотел... Подвести... не можете ли меня, товарищ шофер... — нескладно, но вежливо сказал Иван Семенович.

— Не могу.

— То есть почему же? Я такой же, как и все, пассажир. Как же так?

— О-очень обыкновенно, — с завыванием зевнул шофер и пояснил технически-туманно насчет какого-то профилактического ремонта.

— Как странно все-таки, — удивился Иван Семенович и пошел к другой машине. Второй разбуженный им шофер высказался коротко, некрасиво и без применения техники.

В это время из темного переулка вывалились двое на таких мягких ногах, что, казалось, нет в этих ногах костей, а только одни хрящики. Волнистой походкой они приблизились к первой машине, и в то время как один склонился лбом ей на крыло, другой пытался проникнуть в нее сквозь стекло.

Не успел Иван Семенович подумать не без злорадства: «Ух, и турнет же он их, голубчиков!» — как шофер предупредительно открыл дверцу и впустил к себе обоих.

— Позвольте! — крикнул Иван Семенович. Машина тронулась. Голубые электрические часы, висевшие неизвестно на чем среди темноты, показывали два. Мрачные чувства теснили чистое сердце Ивана Семеновича. Кругом была неизвестность, а впереди Прасковья Ивановна. Вернуться ночью — предвещало драму, но возвратиться на заре — почти развод... Иван Семенович принял решение и, обуреваемый черными мыслями, исчез в темном переулке.

Задремавший шофер испуганно подскочил. Машину качнуло в сторону. Грудью на радиаторе лежал человек, обнимая его руками, такими мягкими, будто в них не было костей, а только одни хрящики. Коленями он скользил по фарам, пытаясь зацепиться.

Шофер выскочил, подхватил податливо распустившееся тело и втащил в машину.

— Куда везти, папаша? — крикнул он громко, словно глухому.

— Это... Ордынка... чырынт... — выдавил пассажир себе в воротник. Машина понеслась. Изредка шофер оборачивался. Пассажира кидало по подушкам из стороны в сторону.

— Держитесь, папаша, не раскисайте! — дружелюбно советовал шофер.

Не прошло и 10 минут, как они долетели до места.

— Приехали, папаша, — обернулся шофер. — Платите 22 рубля 30 копеек. Так уж и быть, 30 копеек я вам скощу из солидарности... — и вдруг поперхнулся и смолк.

Пассажир сидел совсем прямо, тихонько отогнул воротник пиджака, поправил кепку.

— То есть это как же понимать? — спросил он тихо и, как показалось шоферу, зловеще.

— Извиняюсь, — торопливо сказал шофер. — Я безусловно пошутил. Вообще с вас 4 рубля 20, но поскольку нам с вами по пути, — я вот тут за углом — и дома, то можно даже и бесплатно. И я, конечно, извиняюсь. Позвольте, открою дверцу.

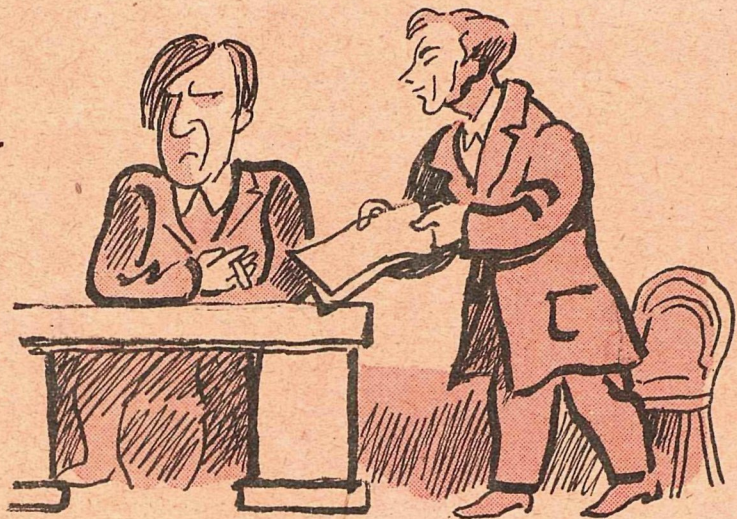
Поднимаясь на второй этаж, Иван Семенович наскоро придумывал историю: влез в трамвай, току не было, то ли слезать, то ли сидеть... Так до двух часов и промаялся... И кондукторша была еще такая сердитая, с подвязанной щекой...

Все-таки это как-то больше было похоже на правду чем его ночная поездка.

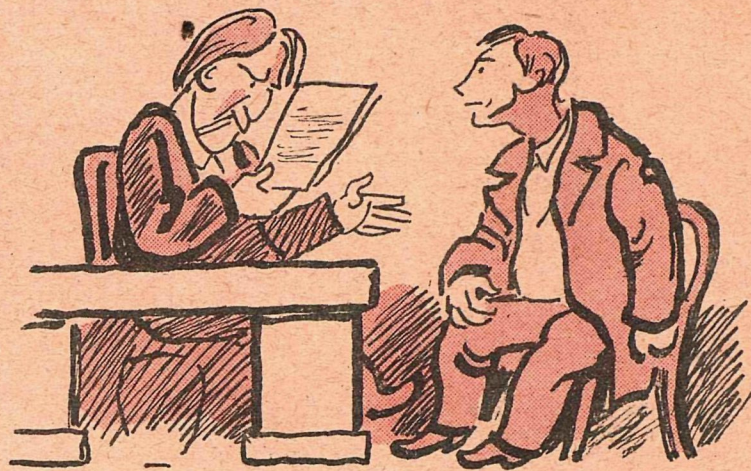
В. КАРБОВСКАЯ

ХАМЕЛЕОН

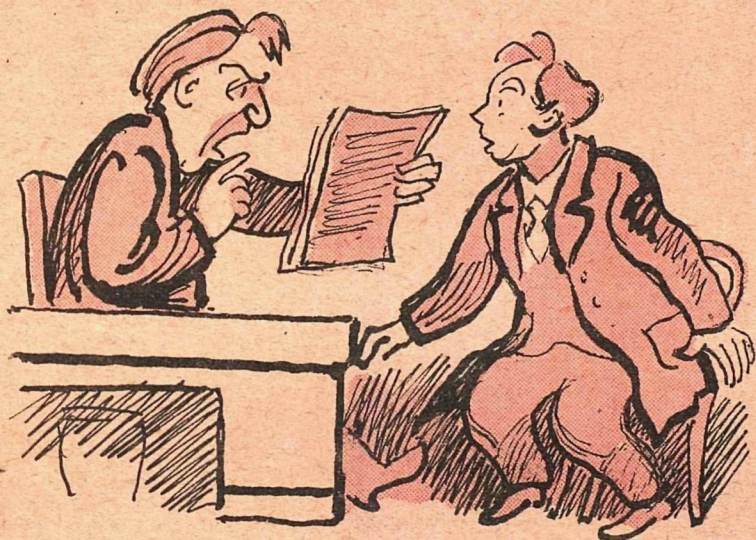
Рис. А. Радакова

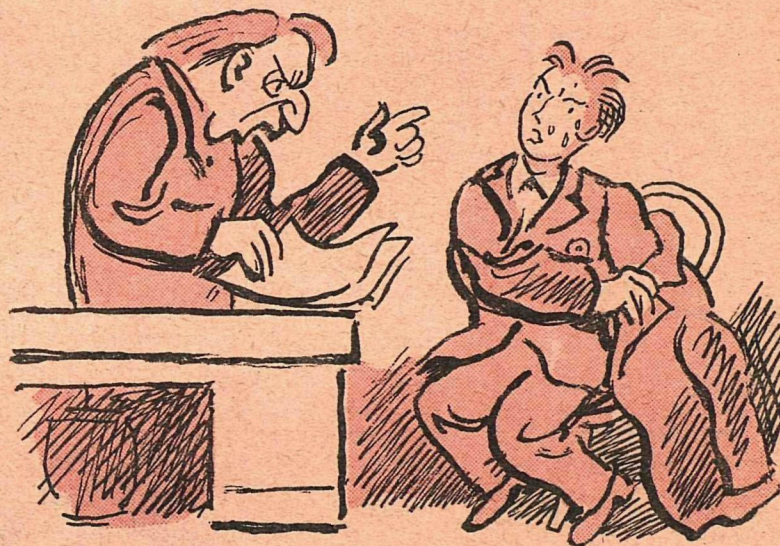
— Товарищ редактор! Я вам принес повесть.
— Повесть? По-о-осмотрим.

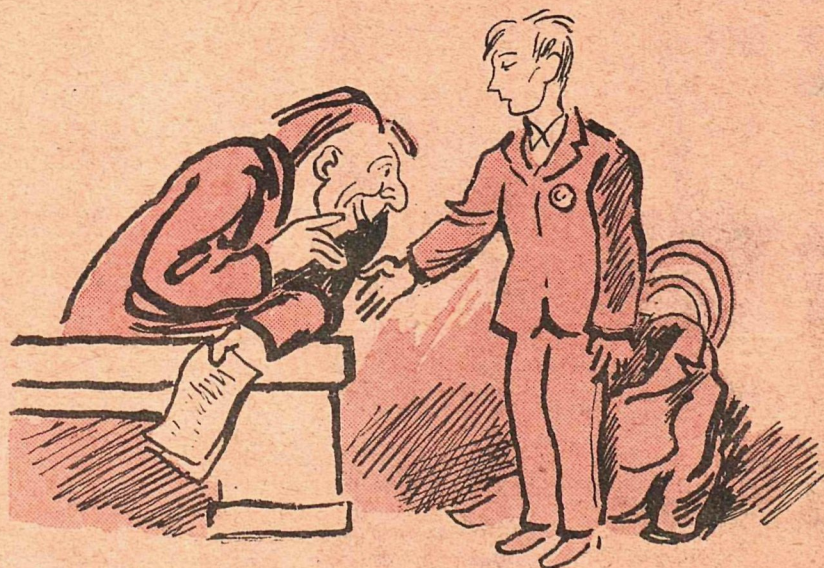
— Странное название — „Леса и горы“.
Опять эта лирика.

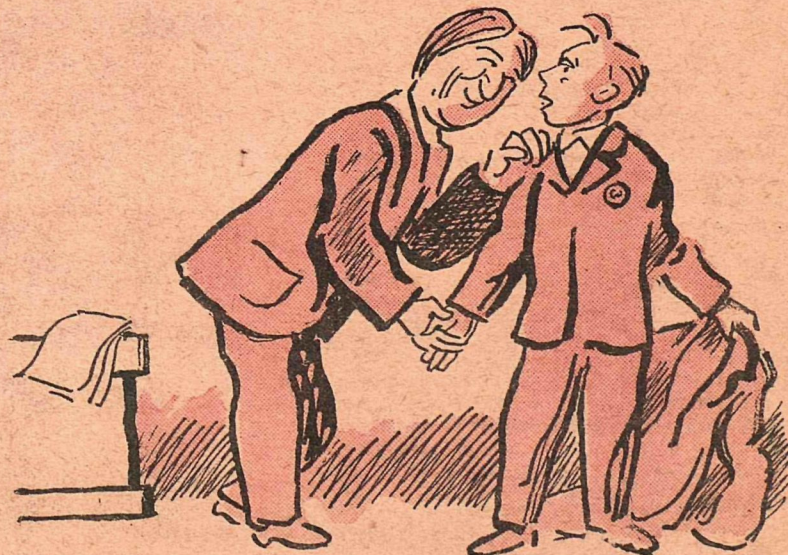
— Должно, сухо, быта не знаете, фольклора нет, читайте Пушкина и меня.

— Жизнь надо наблюдать, молодой человек. Жизнь, жизнь. Вам жарко, снижите пальто. Так вот я и говорю...

— Позвольте! А это что у вас такое на левой стороне груди?..

— Так вот я и говорю... Крепкую повесть вы написали, лирическую, теплую... Позвольте вас поздравить с новым шедевром!

Позвольте выйти!

КОНЦУ третьего часа, когда я уже перенес двухактную шутку о подкидыше и научился подавлять шемящее чувство жалости при виде конференсье, со сцены второй раз за вечер прозвучали бесконечно знакомые слова песенки о расставании.

Я тихо встал и, пошатываясь, побрел к задрапированной двери с мерцающей синеватой надписью «Выход».

— Мы простимся с тобой у порога, — сказал я капельдинеру, — и, быть может... навсегда!

— Нет, — сухо сказал капельдинер.
— Что «нет»?

— Не простимся. Сядьте на место, гражданин. Никого выпускать не велено.

— Почему? Ведь я же тихо. После номера. Вот у вас даже в программе напечатано: «Вход в зал только между номерами».

— Товарищ, не спорьте! То — вход, а то — выход. Так, ежели начнешь выпускать, каждый уйдет. В общем, не велено!

Колоссальным усилием воли я подавил готовое вырваться рычание и попробовал воздействовать логикой.

— Послушайте, — сказал я. — Здесь театр. Я пришел сюда, чтобы получить удовольствие, развлечься и отдохнуть. Теперь, допустим, что программа удовольствия не доставляет и развлечения я не нахожу. Могу я уйти?

— Это нас не касается. Когда билет брали, знали, куда шли. Выхода нет!

— Но я...

— Сядьте, гражданин!

Через пятнадцать минут, испробовав все методы убеждения и увидев, что выхода действительно нет, я дошел уже до низкой лестницы и полного самоунижения.

— Я знаю: вы чуткий и милый человек, — говорил я. — Вы поймете меня. Мне это вредно: у меня почки. И, потом, я опаздываю на поезд, на дачу. Там у меня жена, дети. Знаете, детки, такие чудные крошки. Агу, агусеньки...

И, угодливо хихикая, я сделал капельдинеру «козу».

— Гражданин, не хулиганьте, а то я вас отведу в милицию.

— Чудно! — восхитился я. — Пойдемте сейчас.

— Я говорю: отведу после спектакля. А пока досиживайте здесь.

Уйти из Театра эстрады и миниатюр до окончания спектакля мне не удалось. Это совершенно точный факт, имевший место 3 июня 1939 года, в 10 часов 47 минут вечера.

Теперь попробуем ответить на два вопроса: почему я, зритель, решил уйти, и почему меня, зрителя, пришлось удерживать такими остро административными мерами?

Прежде всего надо рассеять одно популярное заблуждение, навеянное, видимо, обширным списком режиссеров, художественных руководителей, гримеров, светотехников и других деятелей, внесенных в афиши и программы.

Дело в том, что Театр эстрады и миниатюр — вовсе не театр. Во всяком случае — это еще не театр, который знает, что он хочет.

Маленькая оперетта? Такую же и в таком же примитивном оформлении мы видели в Центральном парке. Скetch? Где же не было скetchей? А остальное — обыкновенная эстрада.

Итак, отнесемся к четвертой программе театра, как к эстраднему концерту.

Менделевич. Право же это очень плохо. Все тот же конференс, не имеющий никакого отношения к номерам, все та же коллекция очень старых курьезов безграмотности. Ассортимент пополнен только скучнейшими историческими экскурсами и одной — на редкость пошлой и грязной — шуткой о деторождении.

Козин. Кумир многочисленных козинисток. Исполнитель песенок и гвоздь программы. На-

до сознаться, что в качестве «гвоздя» он не на высоте. Это вовсе не бесталанный артист. Напротив, он мог бы стать хорошим исполнителем шуточных и интимных песенок, но дело в том, что именно этих песенок у него в программе нет. Он специализируется на пошлости — на подделках под цыганские романсы и душещипательные песни, почему-то считающиеся народными. Здесь можно и приглушить небольшой голосок и целый куплет провести на сплошном надрыве где-то в районе носоглотки. Но это полбеды. Самое неприятное и странное впечатление получается, когда те же подвывания и та же носоглотка пускаются в ход для отображения партизанских боев, пограничных столкновений и прочей патетики.

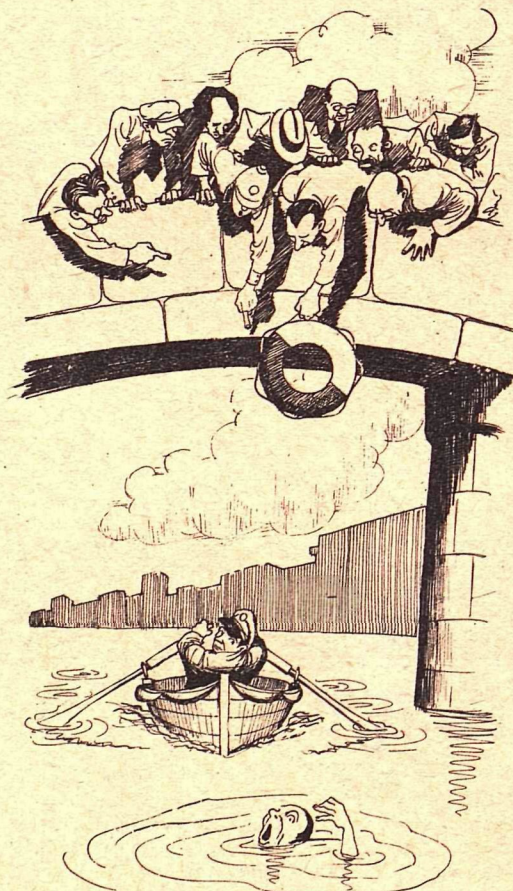
А потом идет скetch. Еще одна паточная вариация на тему о том, что все у нас любят детей так, что готовы немедленно родить хоть тройню. Во всяком случае, в скетче Квасницкого добродетельный начальник станции почти готов кормить прудью ребенка, а остальные действующие лица стараются не отстать от него в этом высоко полезном деле.

Программа определяется этим, и ни отличные исполнители своих номеров: Рина Зеленая, Миронова, Редель и Хрусталева, — ни даже хороший скetch Погодина не могут выручить театр. Программа скучна и неинтересна и как театральное представление и как эстрада.

— Ага, опять! Опять нападки на эстраду! Голое критиканство! Огонительные выпады! Заушательство! Закидательство! Злопахательство!

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ЗАБОТА

Рис. Е. Ведерникова

— Скорей спасайте! А то я, чего доброго, не успею его оштрафовать!

Вы слышите этот истошный крик? Это работники эстрады уже реагируют. Сейчас они начнут кричать о том, что им не помогают. Ну, конечно:

— Ругать легко — петь трудно! Вместо того чтобы писать, исполнили бы акробатический танец так, чтобы он отображал.

Вот, наконец, оно сказано, это страшное слово, — «отображать». И еще одно — «жизнерадостно»!

К чему скрывать, авторам этих строк не раз приходилось беседовать с работниками эстрады. Бывало это так:

— Я вас уверяю, все дело в авторах. Мы чуткие, мы гибкие, но текст! Где он, веселый, жизнерадостный текст, который...

— Чего вы хотите?

— Чего угодно! Скetch, песенку, монолог, но чтобы зритель смеялся, как дитя: весело и жизнерадостно. Вы ведь хотите, чтобы зритель смеялся, как дитя?

— Хотим.

— Голубчики! И я хочу. Напишите же что-нибудь новое, оригинальное, совсем не похожее...

— Можно что-нибудь сатирическое?

— Голубы, конечно! Нужно! Смех должен разить!

После десятиминутных объяснений мы выжили пиджаки, мокрые от слез умиления, пролитых на них работником эстрады, и мы приступаем к разработке тем.

— Значит, наметим скetch. Надо, чтобы он отображал что-нибудь оборонное. Например раненый боец-пограничник...

— Вы думаете, раненый — это смешно?

— А как же? На этом материале мы развиваем жизнерадостную сцену допроса.

— А может быть, лучше что-нибудь бытовое?

— Пожалуйста. Отобразите героическую тему транспорта. Например машинист хочет перевыполнить нормы, а предельщик ставит ему палки в колеса. Тот хочет, а этот ставит. Тот хочет, а этот...

— А это смешно?

— Боже, да гомерически! А главное, жизнерадостно! Как вы не понимаете? Тот хочет перевыполнить, а этот тут как тут — не дам. Это, говорит, невозможно. Ха-ха-ха! А тот назло ему — бац! — и перевыполнил. Ха-ха-ха! Все животики надорвут.

— Нет, знаете...

— Но ведь жизнера...

Мы расстаемся, так и не поняв друг друга.

Работники эстрады больше всего страшатся, что смех чего-нибудь недоотобразит. То, что смеха может совсем не оказаться, их волнует меньше. А в результате одни виды эстрады отпадают как легкомысленные, другие — как недостаточно нагруженные, третьи — как несоответствующие.

И когда тот же Козин поет: «Улыбнись, Маша!» — он боится, что подумают, будто Маша улыбается без идейной нагрузки, и в следующей строке дает мотивировку общего порядка:

«Улыбнись, Маша,

Жизнь прекрасна наша».

А талантливая артистка Миронова, раз сделав удачный номер — разговор по телефону, — превращает этот номер в жанр и уже не ищет ничего нового.

А танцевальные пары считают верхом изобретательности изображать поимку диверсанта.

А Театр эстрады и миниатюр, который для того и создан, чтобы проявлять творческую инициативу в области эстрады, удерживает зрителей с помощью капельдинеров, которые сухо говорят:

— Сидите здесь: выхода нет!

Неужели и в самом деле выхода нет?

Не верится!

А. РАСКИН, М. СЛАБОДСКОЙ.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Сообщаю тебе новую разгадку старой детской загадки: «Без окон, без дверей полна комната людей».

Это наш архангельский горсовет Осоавиахима. В комнате размером в 12 (двенадцать) квадратных метров помещаются сам горсовет, клуб служебного собаководства, стрелковый клуб, секция морской работы и радиолубительства, — словом, 23 работника. Теснота такая, что мы даже не можем пригласить к себе руководителей архангельских городских организаций, чтобы еще раз (примерно в сотый) заслушать их клятвенные уверения в готовности укреплять и развивать оборонную работу в городе.

И. РОГОЗИН,

председатель горсовета
Осоавиахима
г. Архангельск.

Уважаемый Крокодил!

Ты не думай, пожалуйста, что в Минске не заботятся о ремонте одежды и обуви населения. Наоборот. Председатель Белкоопромсовета тов. Марголин решил даже созвать в Минске по этому поводу

совещание. На совещание вызвали работников областных объединений, входящих в Белкоопромсовет. Ну, раз вызывают — съехались. А совещание не состоялось. Ну, раз не состоялось — раз'ехались.

Американцы говорят, что «время — деньги». А что теперь говорить нам, если у нас ушли за-зря и рабочее время и государственные деньги?

М. ГУРЕВИЧ,

зам. председателя Витебского областного Текстильпромоуза
г. Орша.

Уважаемый Крокодил!

Супруги Трошневые — фельдшер и медицинская сестра — готовы немедленно распрощаться с медпунктом Панинского рудника, Тульской области, и приехать работать в Гагры. Но только на некоторых условиях. Всего условий 18. Изложены они в виде систематизированного вопросника, адресованного Управлению курортом «Гагры».

В частности Трошневые требуют от нас сведений о наличии в окрестностях Гагр лесов, озер, а также четвероногой и водоплавающей ди-

чи. Они хотят знать, есть ли в гагринских магазинах «тазы, чугуны, блюда, кастрюли, примуса и т. д.». Заодно Трошневым надо сообщить железнодорожный тариф проезда в Гагры, предстоят ли в пути пересадки. Ежели с пересадками, то они, возможно, и не поедут.

И не надо! Для супругов Трошневых работа в Гаграх противопоказана.

В. КОЧУРОВ,

главный врач курорта «Гагры»

Дорогой Крокодил!

Райсовет союза воинствующих безбожников Лебяжского района получил из города Кирова от областного совета союза воинствующих безбожников следующее мистическое письмо:

«Областной Совет категорически предлагает использовать отв. секретаря тов. Попова на работе в организации СВБ и без согласования с областным советом вопроса о использовании его на другой работе. Требует от ответственного секретаря еженедельного представления отчета о своей работе. На-

стоятельно требует от отв. секретаря повседневного повышения политического и антирелигиозного уровня знаний для этого необходимо изучать историю ВКП(б) и информировать Облсовет о ходе изучения и поступить на заочные антирелигиозные курсы (анкету прилагаем). В случае невыполнения указанных выше требований, Облсовет вынужден будет принимать административные меры вплоть до освобождения с работы. И передачи платной единицы другому району.

Председатель ОС СВБ Пленкина
Отв. Секретарь Ыянкова.

В этом письме чудесным произволением отсутствуют запятые, синтаксис и смысл. Не посоветуешь ли, дорогой Крокодил, тт. Пленкиной и Пьянковой прекратить «безбожное» обращение с русским языком и здравым смыслом.

Л. МОШКИН,

зав. отделом пропаганды и агитации Лебяжского РК ВКП(б)

Особый Отдел

БЕЗГРАМОТНЫЕ ВИДЕНИЯ

«В прекрасно оборудованном кабинете, пол которого покрыт разноцветными коврами, с большими веселящими на стенах зеркалами и все в цветах, за изящно огромным столом задумчиво рассматривая разного рода архитектурные карты, планы научных людей.

Мысль была ключем. В глазах маячилось как на яву грандиозные стройки в виде метрополитена, беломорканала и другие архитекторы, которые несут мировую известность...»

Эти чудные строчки заимствованы нами из «Маленького фельетона» некоего В. Курбатова, опубликованного в газете «За коллективизацию» Мамонтовского района, Алтайского края. Фельетон называется «Видение» и трактует о том, что Дорстрой плохо сооружает дамбу через какое-то болото. В остальных своих частях фельетон стоит на том же несравненном художественном уровне, что и приведенный отрывок.

ИЗ МОЛОДЫХ, ДА РАННИЙ

Вероятно, Виктор Георгиевич Волостных, учитель грязинской средней школы (Воронежской области), все время был очень занят воспитанием юношества. И он просто забыл, что у него есть инвалид-отец, которому надо помогать. Хорошо, что борисоглебский суд напомнил ему об этом, предложив уплачивать отцу 30 рублей в месяц.

У Виктора Георгиевича тонкая душевная организация. Виктор Георгиевич спешит на почту, чтобы выполнить свой сыновний долг. Мучимый раскаянием, он посылает деньги, сопровождая

перевод коротеньким письмом. Вот какие прочувствованные, любовные строки текут из-под его пера:

«Посылаю выдираемые тобой последние гроши и чтоб колом они у тебя стали. Знай что ты ограбляешь своего сына. Недолго тебе придется ограблять меня».

Мы живо представляем себе, с каким неподдельным волнением читал папа Виктора Георгиевича эту лирическую весточку от дорогого сыночка. Мы вполне разделяем его чувства.

Воображаем, сколь обрадуются комсомольская организация и коллектив педагогов грязинской школы, узнав, какой молодой, но незаурядный хам подвизается в их рядах.

НЕ ВОПРОС

«Красными волнами
Льется вино,
Красными звездами
Сердце полно...»

Переполнилось бедное сердце Т. Середы и вылилось на страницы газеты «Советская Кара-Калпакия».

Что же касается редактора «Советской Кара-Калпакии» В. Ощепкова, то Т. Середя, заведующая отделом пропаганды этой газеты, предумышленно воскликнула по его адресу:

«Ты виноват,
Виновата ли я,
Кто разберет?
Я не судья».

Вопрос этот несколько праздный. Хотя среди читателей тоже попадаются люди, не имеющие специального юридического образования, они, к счастью, в пошлятине разбираются. И «кто виноват», — для них не вопрос.

КТО ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ

Начинается документ совершенно обычно:

«Решение

именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 7-го апреля 1939 г. Народный суд Кармановского р-на Смоленской области. В составе: председательствующего Володченкова, народных заседателей Петрова и Принцевой при секретаре Роговой. Рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Батекина Ивана Алексеевича прожив. Кармановский Ветпункт к Кармановской Ветлечебнице об восстановлении на работу».

Что же решил суд, рассмотрев иск Батекина?

«Батекина Ивана Алексеевича на работу восстановить с 26-го марта 1939 года в Ветлечебницу. Зарплата Батекину выплатить со дня увольнения. На работу допустить с 3 апреля 1939 года».

Интересное решение. Чем же оно мотивировано? Оказывается, вот чем:

«Батекин не знает постановления Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС о мероприятиях трудовой дисциплины от 28 декабря 1938 года».

Батекин не знает постановления. А чего не знают судья Володченков и заседатели Петров и Принцева?

Они не знают, или, вернее, не понимают, что они делают.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 628

Сдача текста и рисунков 15/VI 1939 г.

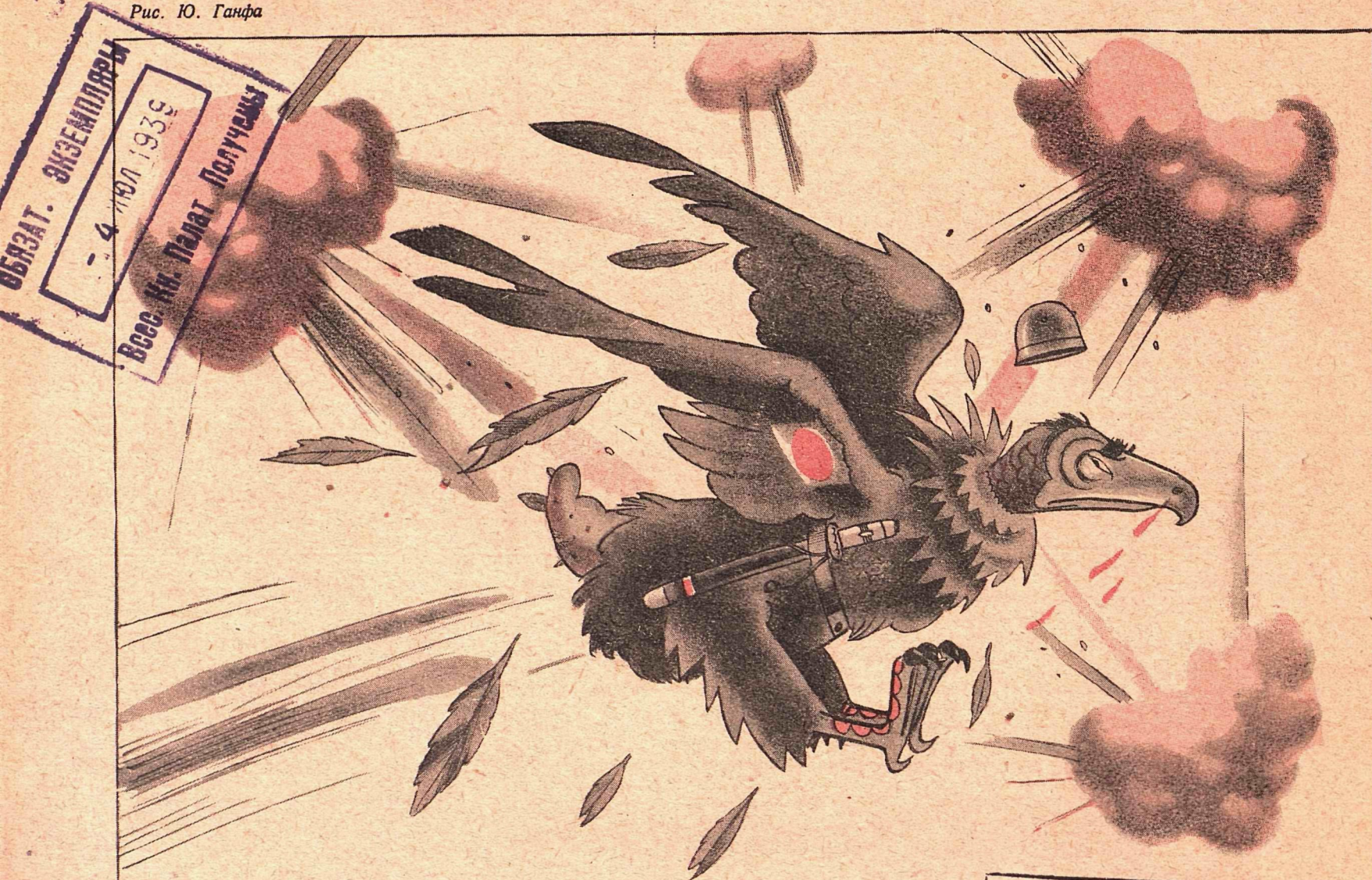
Подп. к печати 26/VI 1939 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—10870. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1983. Тираж 275 000 экз.

Рис. Ю. Ганфа

	Период и серии	„Лет рецензий“	„Журн. лет“
Получ. в ред.	7/II		
Сдан в архив	8/III 9/III	23 III	

«Бойкие» перья японских журналистов.